

НОВОГОДНЯЯ *комедия*

ЛАРИСА Рубальская
СЕРГЕЙ Литвинов
АННА Берсенева
и другие

МОЙ ЛУЧШИЙ
НОВЫЙ
ГОД

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М74

Художественное оформление серии *С. Власова*

М74 **Мой лучший Новый год** : сборник. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Новогодняя комедия).

ISBN 978-5-04-097628-7

В календаре есть особая дата, объединяющая всех людей нашей страны от мала до велика. Единый порыв заставляет их строгать оливье, закупать шампанское и загадывать желания во время боя курантов.

Таково традиционное празднование Нового года. Но иногда оно идет не по привычным канонам. Особенно часто это случается у писателей, чья творческая натура постоянно вовлекает их в приключения. В этом сборнике – самые яркие и позитивные рассказы о Новом годе из жизни лучших современных писателей.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубальская Л., 2018
© Литвинов С., 2018
© Матвеева А., 2018
© Веденская Т., 2018
© Сотникова Т., 2018
© Сотников В., 2018
© Савельев И., 2018
© Воронова М., 2018
© Калинина Н., 2018
© Набокова Ю., 2018
© Матковский М., 2018
© Мелихов А., 2018
© Муравьева И., 2018
© Бочков В., 2018
© Перова Е., 2018
© Староверов А., 2018
© Чиж А., 2018
© Розенблит М., 2018
© Юрьева В., 2018
© Ройтбурд Л., 2018
© Неволина Е., 2018
© Алюшина Т., 2018
© Нестерина Е., 2018
© Жданов О., 2018
© Попов Е., 2018
© Трахтенберг Л., 2018
© Крамер М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097628-7

ЛАРИСА
РУБАЛЬСКАЯ

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Шел последний Новый год моего одиночества. Уже за месяц все вокруг как будто сговорились, доставали меня одним и тем же вопросом: «Ларис, ты где на Новый год?» Где-где... Как будто бы не знают, что нигде. Никаких предложений и приглашений. И зачем тогда спрашивать? Я решила никого не погружать в свои печали и бодро всем отвечала, что пойду в Большой, на «Щелкунчика». Это был верняк — там всегда 31 декабря «Щелкунчик» идет, и билеты стоят очень дорого, и не достать. Но у меня в Большом остались связи, после того как я ездила с оперной труппой в Японию в качестве переводчика. И уж одиноким билетик мне всегда найдут. Или посадят на приставное кресло. Но это так, к слову. Не хочу я ни в какой театр. И вообще никуда не хочу.

Еще в ноябре надо мной каждое утро всходила радуга. В смысле, я чувствовала себя счастливой, потому что, просыпаясь, всегда на подушке рядом видела любимое лицо этого дурака Борьки, уже давно брошенного женой и лечившего свои сердечные рваные раны в моих объятиях. Борька подходил мне в мужья по всем показателям. Во-первых, я его любила. Ну и во-вторых, все остальное. А глав-

ное — он свободен! Холостяк! Бывшая жена не в счет. Так мне, по крайней мере, казалось. Надо сказать, что вопрос о замужестве стоял уже очень остро, как-никак тридцатник отгуляли. Пора-пора-порадуемся. Да только радоваться, получается, нечему. Потому что именно эта бывшая его Наташка позвонила 28 ноября и сказала, мол, помнит, что у ее Борюсика день рождения и почему бы им его по старой памяти вместе не отметить. Ну, Борька и согласился, и радуга надо мной погасла. Даже за вещами приходиться ему ко мне не было необходимости, потому что он их никогда в мой дом не приносил. Наверно, все-таки ждал Наташкиного зова.

А тут все вопросы свои насчет Нового года задают, как будто бы не замечают моих зареванных глаз. Все ведь видели, все всё знают, а все равно спрашивают. А тут еще на экране телевизора все от радости одурели — Новый год! Джингл-белл-джингл-белл!!! Семейное у всех счастье!

Обнадеженные моим «Щелкунчиком», друзья и подружки постепенно перестали меня пытаться и стали готовиться к празднику — кто как, кто куда, кто с кем.

Мимо елочных базаров я проходила, закрыв глаза, а от запаха хвои меня подташнивало. В голове звучала только одна мысль — скорей бы это тридцать первое декабря наступило и прошло. А там уже будет легче.

В отличие от меня, мои подружки Нового года ждали, любили этот праздник. Забыли, что ли, что старше становятся — цифры ведь никто не отменял.

Как-то забежала Ирина. Ее с Игорем пригласили в какую-то крутую компанию. У нее новое платье готово, а подходящих украшений нет. И она пришла порыться в моих «драгоценностях» — недорогой, но вполне симпатичной бижутерии. Ларис, одолжишь на денек? Да бери, пожалуйста — хоть на денек, хоть навсегда. Производи впечатление. Мне ведь все равно уже ничего никогда не понадобится — осколки

разбитого сердца не склеить, не сложить... Ирина убежала, вполне счастливая, и обещала потом рассказать, как там, в крутой компании, все прошло. И еще она сказала, что у нее предчувствие, что в эту новогоднюю ночь Игоряшка сделает ей предложение.

Галка тоже жила в ожидании счастья. Прямо перед Новым годом должен был прилететь с Ямала ее любимый Толик. Уже полгода он там вкалывал, и скучал, и грустил по ней, но вырваться к Галке своей ненаглядной никак не мог — держала важная работа. И вот наконец под Новый год сказал, что прилетит и привезет ей разных подарков. Особенно Галка мечтала о вкусной ямальской рыбке — нельме, муксуне. Они будут стругать замороженные тушки тонкими кусочками, а потом есть, обмакивая в соль, смешанную с перцем. Там, на Ямале, именно так делают.

Вот чудная эта Галка. Нет бы думать, как они с Толиком целоваться-обниматься будут, а она — рыбку в соль с перцем... Не стану же я ее мечту исправлять — пусть как хочет, так и мечтает. Все равно ей лучше, чем мне. Одно только ожидание — уже счастье. А у меня и этого нет.

Санек и Серега — рыцари мои верные, дружки надежные, в Новый год, как они говорят, будут «бороться с нуждой». Это означает, что пойдут выступать на разных праздничных площадках. Они гитаристы, аккомпанирующий состав. Гитары под мышки — и на всю ночь — перебегать, переезжать с одной площадки на другую да деньги по карманам раскладывать. Новогодняя ночь музыкантов полгода кормит. Хорошо, что работы много — певец, которому они аккомпанируют, как раз в большой популярности, нарасхват. И сам он парень добрый — с ребятами заработком делится. Только хорошо бы, чтобы новогодняя ночь выдалась не очень холодной, а то можно и пальцы отморозить — струны-то у гитар металлические, а площадки в ос-

новном открытые — на улицах и площадях. Они, мои дружки, меня, конечно бы, одну в новогоднюю ночь не бросили, но, сами понимаете, жить-то на что-то надо.

Может, правда, на «Щелкунчика» пойти? Театр уж полон, ложи блещут — точно так, как писал великий поэт. Музыка в балете прекрасная, а говорят, что такая музыка души лечит и фуэте всякие вообще отвлекают от мыслей. Конкретно о Борьке-дураке несчастном и вообще о том, что никому на свете я не нужна. Но как представлю картину — окончился балет, и я одна иду по предновогоднему городу. Сыпется серебряный снег, торопятся встречать Новый год счастливые люди — бегут и едут мимо с сумками, подарками — парами и семьями. А я, как дура, топаю одна, с кислой физиономией.

Еще три дня назад оставалась слабая надежда на Юльку. Она, конечно, компания не самая веселая. Еще бы — тридцатилетие отгуляли три года назад, а Германа, как говорится, все нет. Думаете, я «Пиковую даму» вспомнила? Да нет. Как раз так зовут Юлькиного возлюбленного. Герман женат и уже пять лет подруге голову морочит, что жену свою он не любит, а любит как раз Юльку, и что вот-вот разведется, и они с Юлькой поженятся. И Юлька, дуреха, ждет. А Герман, как отпуск — с женой, субботы с воскресеньями — дома, с семьей. Вот и любит моя подруженька все эти пять лет только вторники и четверги. Я-то давно поняла, что ничего у них не изменится. Даже подсчитала все вторники и четверги в году — количество дней, когда Юлька бывает счастлива. Всего-то около ста дней получилось — не так уж и много. Тем более что иногда эти дни на праздники выпадали.

Так что Юлька была реальной кандидатурой моей новогодней напарницы-страдалицы, но так вышло, что три дня назад у нее заболела собака. Она, Юлька в смысле, — волонтер и всех собак на улице подбирает, лечит, выхаживает. И как раз у любимой ее собаки, семнадца-

тилетней дворняжки Дуни, что-то серьезное с печенью приключилось. Моя подруга на работе взяла отпуск и сказала, что ни за что Дуньку, эту старушку беззубую, одну в новогоднюю ночь не оставит. Я, конечно, Юльку не понимаю, но она человек очень добрый и преданный, даже чересчур, и ее в этом деле не сдвинешь. Я иногда даже думаю, что Герман, может, из-за собак этих поселиться у нее не торопится. Короче, выходит, что и Юлька в Новый год может составить мне компанию только по телефону.

А за Дуньку я рада — хоть она под бой курантов будет не одна во-круг елочки скакать.

Дома у меня, кстати, никакой елки. Еще чего! Потом иголки два месяца подметать! И готовить ничего не буду — кому есть-то? Тридцать первого нарочно долго не вставала с кровати — спать-то не могла, но просто так валялась, чтоб остальная часть дня покороче получилась. Лежала и думала о судьбе своей горючей, о Борьке-дураке, о друзьях и подружках.

Вот, к примеру, Борька. Что ему было не так, что Наташка, его бывшая, едва пальчиком пошевелила, и он бросился в свою былую жизнь, в этот, как он мне рассказывал, ад крошечный. Одни скандалы и Наташкины истерики. И даже один раз какое-то настоящее предательство. Борька говорил, что я его счастье, о котором он даже и мечтать не мог.

Борька — инженер по специальности, но устроился работать куда-то на киностудию, где снимают документальные фильмы. Он там за аппаратуру отвечает и числится помощником оператора. Работа ему нравится — поездки, новые места, интересные люди. Ну а зарплата, сами понимаете... Вот из-за этого с Наташкой и скандалы. А я что — во-первых, прилично зарабатываю — гид-переводчик, редкий язык,

японский. Две экскурсии в день — «Москва — столица СССР» — пять рублей, «Кремль — сердце столицы» — три рубля. Да еще японские туристы подарки дарят — колготки, авторучки, зонтики. Один раз даже часы «Сейко» подарили. А сколько мне зонтиков этих надо? Уже всех вокруг ими одарила, а излишки — в комиссионку. Это еще добавочный заработок. Так что для истерик поводов нет, как у его избалованной Наташки. И вообще, к слову скажу, я всю жизнь очень умеренных потребностей человек. И до сих пор всегда хочу меньше, чем могу себе позволить. Это такая моя жизненная привычка и наука. Я сама-сама-сама!!! И никто мне ничего не должен. Удобно, кстати. Но мужчины, как видно, любят как раз тех, кто все время у них что-то требует. И Борька — конкретный пример. А я, дурочка, хотела ему на Новый год дорожную меховую шапку подарить — ведь на съемках часто холодно бывает. А эта его любимая вязаная шапочка меня просто раздражала. Наташка, видите ли, когда-то сама ему связала. Лучше бы работать пошла и сама себе на капризы свои деньги зарабатывала. За все их совместные семь лет только шапочка вязаная — вся ее работа. А остальное — одни истерики.

Да ну что я-то об этом думаю? Не хочет шапку из ондатры — как хочет. Только зря я на нее деньги копила.

Потом я стала думать об Ирине и Игоре. Про кого-то иногда говорят — хорошая пара. Так вот это как раз они и есть. Ирина — художник. Кукол шьет. Очень интересные у нее человечки получаются. Даже не человечки, а какие-то живые, умные символы жизни. Каждая кукла с характером. И на выставки у нее этих кукол охотно берут. Недавно она даже получила заказ — сделать кукольную пушкиниану. И самого поэта, и женщин его любимых — Гончарову Наталью, Анну Петровну Керн, Арину Родионовну тоже обязательно, а как же — «Буря мглою небо кроет». Надо также убийцу, этого злодея Дантеса, смастерить, и

царя — как же без царя? Ирина счастлива. Еще бы, такие образы!!! И однажды она попросила меня к ней в мастерскую прийти помочь. И так все вышло чудесно — я читала стихи Пушкина, наизусть, конечно. Ирина слушала и рисовала наброски — эскизы к куклам будущим. И я даже один стишок, подходящий к этой теме, придумала. И потом на выставке, на стенде с Ириной пушкинианой находился листок с этим стихотворением.

Ирина постарше меня, и сроки ее замужества уже подходили к финишной прямой. И тут ей встретился Игорь. И ничего страшного, что он старше ее на шестнадцать лет. До встречи с Ириной — убежденный холостяк. Умница — ученый человек. Космос, астрофизика — его страсть. Рассказывает — заслушаешься. И друзья у него все ученые умные-преумные. Ирина как раз и стала его звездой и чудным мгновением. Осталось только предложение сделать. Ирина ждет, и я жду и надеюсь вместе с ней, потому что очень ее люблю.

Галка — дуреха. Нет, вообще-то она умница. У нее чего ни спросишь — все знает, хочешь по истории, хочешь по литературе. В университете она лучшей на курсе была. Самой умной и самой красивой. И замуж первая вышла. И развелась тоже первая. И ведь не он ее в отставку послал, как сейчас говорят, отгрузил. Она сама решила, что любовь должна быть не такой, как у нее с Евгением. Я пыталась Галку — ну что не так-то? Из ее рассказов никак не получался неверный, скряга, ревнивец или вообще отрицательный мерзкий тип. Мы, правда, не вдавались в подробности сексуальных моментов. У нас вообще эти разговоры популярностью не пользовались. Может, как раз там и было объяснение Галкиного внезапного решения развестись. И прожили-то они всего каких-то два месяца. А потом сразу одна за другой стали у Галки случаться именно такие любви, о которых она мечтала. Но прожитые с Евгением два месяца оказались рекордом продолжительности ее отношений со встреченными мужчинами. Они мелькали, как лету-

чие молнии в грозовом небе, обжигали Галку, испепеляли ее нежное сердце и растворялись в небытии.

После каждого облома, а они случались, как я уже сказала, не по ее инициативе, Галка рыдала по нескольку дней. Говорила, что кто-то ее сглазил, может, даже сам Евгений. С горя она вдруг стала сочинять стихи. По крайней мере, ей казалось, что это стихи. Про всех героев — одни и те же строки. По смыслу — как у Цветаевой: «Мой милый, что тебе я сделала?!!» Только каждый раз подставлялось имя нового милого.

И вот однажды в однообразной цепочке Гариков-Юриков-Стасиков появился Толик. Нормальный, симпатичный мужик, работяга. Монтажник. Правда, глубиной интеллектуального наполнения не перегруженный. Однажды я зашла к Галке, а они с Толиком как раз кроссворд разгадывали. Галка строчила буквы по клеточкам как пулемет. А Толик смотрел на нее и улыбался. Любовался, короче. Сам он не мог отгадать ни одного слова.

Толик часто исчезал, уезжал работать на Севера, как он говорил. Там его очень высоко ценили за монтажные умения и платили хорошие деньги. Иногда он ненадолго прилетал в Москву к своей ненаглядной Галочке, привозил вкусную рыбку, и Галка была счастлива. Она никогда не говорила о будущем и не строила планов на семейную жизнь с Толиком. Просто любила и была любима.

Может быть, что-нибудь все-таки приготовить? Я же не знала, что Борька «скроется из глаз в серебре декабря», и заранее накупила продуктов для новогоднего стола. Вон полная морозилка. Самой ведь есть тоже что-то надо. Я же голодовку в связи с предательством этого дурака не объявляла, много чести. Я вообще готовить люблю, да и за делом день скорее пройдет. Я увлеклась, все получалось быстро, вкусно и выглядело красиво. О том, что кормить-то всем этим некого, я забыла.

Кстати, сколько раз за свою жизнь я произносила свою нехитрую мудрость, что счастье — это если есть кого кормить и чем кормить. Особенно часто я повторяла эти слова, когда наступило мое второе, главное одиночество.

Стрелки неслись по циферблату к вечеру. В дверь позвонила соседка:

— Ларисочка, елочку не возьмешь? Бесплатно! Понимаешь, я притащила, Колька-муж и Вадька-сын. Как сговорились. Куда нам три елки? Одну я уже пристроила Вере Ивановне, пенсионерке, выше этажом. Даже игрушек елочных отнесла и нарядить помогла. Она уж так благодарила, и вот еще одна лишняя елка — хочешь, даже игрушками поделюсь.

Елка выглядела такой хорошенькой, что я не смогла от этой красавицы отказаться. За игрушками полезла на антресоль. Хорошо, что не свалилась. Верхолаз я всю жизнь не очень умелый. Вообще, падать — это мое. Полгода назад упала на ровном месте, сломала нос. Когда косточку в носу на место ставили, увидела небо в алмазах. Я и не подозревала, что в глазах может уместиться столько искр. Долго зеркала отражали мое синее опухшее лицо. Хорошо, что в это время как раз японские группы не приезжали, и я могла на работу не ходить.

Кстати, о сломанном носе. Как же я про Кристину-то не вспомнила? Она что-то в последнее время не появляется. Наверно, занята — поймала очередную жертву. Вот почему я о ней говорю — с носом моим сломанным связано. Кристи нарисовалась минут через десять после моего падения — пришла рассказать о своей очередной победе на мужском фронте. А тут как раз я с окровавленным носом. Еле-еле ей дверь открыла. Она, как кошмар мой увидела, про победу свою позабыла, давай воевать за мой нос. Мазала, промокала, потом потащила в клинику к своему знакомому хирургу, и правильно сделала. Хирург косточку на место поставил и вернул мне мою временно испорченную

красоту. А если бы Кристина тогда не пришла, осталась бы я навеки с кривым носом. Кто бы тогда потом меня по телевизору показывал?

Кристи — охотница. За мужскими карманами. От природы ей досталась тоненькая и женственная фигурка, которая примиряла взгляд с крупным и хоть и не сломанным, но кривым носом, который ей тоже достался от природы. Но стоило мужским глазам соскользнуть с этого носа вниз, на Кристинину грудь и талию, мужчина тут же оказывался в ее сладкоголосом плену.

Кристи преподавала вокал в музыкальном училище. Там она кружила головы всему мужскому населению — от профессоров до студентов. Как ей это удавалось — я объяснить не могу. Но первым же желанием владельца этой самой вскруженной головы было желание потратить на Кристи деньги. А ей только этого и надо. Какая там любовь! Какие такие страсти-мордасти? Разорить и отгрузить — вот ее девиз. Она и разоряла, причем не только кошельки, но и доверчивые души. Да, эта ласковая и нежная канарейка знала, чего хочет.

А я никогда ни от кого ничего не ждала. Я сама люблю дарить и угощать. Причем это не зависит от того, насколько широки мои возможности. Сколько есть, столько и ладно. А на шапку ондатровую Борьке-предателю накопить смогла. Хоть она и дорогая. Жалко, план моей щедрости рухнул, так и не осуществившись. А Кристина, хоть вообще душа добрая, Новый год с ней вдвоем — нет, мне этого не хотелось. Она же всю ночь про деньги говорить будет. Да и она сама, я думаю, ко мне не рвется — чего ей со мной оливье-то жевать? Она кого-нибудь на ресторан дорогой раскрутит.

Я покорила вершину под названием «антресоль», достала коробку с игрушками и мишурой, елку нарядила. Ложе ваты снизу положила — снежком ее укутала, смотри, не замерзай. Потом детство свое вспомнила, как бабушка мне на утренник новогодний в школе корону

мастерила — разбила елочную игрушку на мелкие осколки, потом вату клеем намазала и осколками этими посыпала, чтоб блестела. Снег вокруг елочки моей заискрился, и это воспоминание о детстве потянуло за собой и другие воспоминания. Так, качаясь на волнах памяти, я сама не заметила, что подвинула стол, постелила скатерть со снеговиками, поставила на него все, что приготовила. Нашла красную свечку, тоже поставила на стол. Получилось красиво.

До Нового года оставалось два часа. По телевизору выступал как раз тот самый певец, с которым сейчас как раз боролись с нуждой Санек и Серега — дружки мои надежные, оплот нерушимый. Сколько раз в жизни они придут мне на помощь! А потом уйдут навсегда, но это еще очень не скоро.

Певец исполнял какую-то новую песню. Раньше я ее не слышала. Моих ребят на экране не было — съемка проходила раньше, и он пел с каким-то другим составом.

Серега и Санек дружат с детства. Они еще в школе сколотили музыкальную группу и придумали смешное название — «Деньги на бочку». Группа пела о школьной жизни, о первой любви. И все девчонки в городке принадлежали им. Так сложилась жизнь, что женились они на сестрах-двойняшках. Санька — на Лере, а Серега — на Вере. А потом оказалось, что Саня любит как раз Веру, а Серега, наоборот, Леру. Просто они сразу не разобрались. Причем то же самое испытывали и их жены. Так что никакой трагедии не случилось — просто пары переженились по новой и очень дружно зажили. Только жены их, близняшки неразлучные, остались жить там, в маленьком алтайском городке, детишек воспитывают. А парни подались покорять Москву своими талантами. Гитары в их руках были как живые — радовались и печалились. И обратно на Алтай ребятам возвращаться совершенно не хотелось.

Как-то так вышло, что мы однажды познакомились и подружались на долгие годы.